

Министерство культуры РФ
ФГБУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник»
Рязанский филиал Московского государственного института культуры

НАСЛЕДИЕ Д.И. ИЛОВАЙСКОГО И М.К. ЛЮБАВСКОГО В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Труды Межрегиональной научно-практической конференции
«VII историографические чтения памяти историков
Д.И. Иловайского и М.К. Любавского»
(к 155-летию со дня рождения М.К. Любавского)
Рязань, 23–24 апреля 2015 г.

Рязань, 2017

Руководитель проекта профессор Л.В. Чекурин

Редакционная коллегия:

Л.В. Чекурин (отв. ред.), В.А. Толстов, К.В. Трибунская

Наследие Д.И. Иловайского и М.К. Любавского в русской историографии.

Н ?? Труды Межрегиональной научно-практической конференции «VII Историографические чтения памяти историков Д.И. Иловайского и М.К. Любавского (к 155-летию со дня рождения М.К. Любавского). Рязань 23–24 апреля 2015 г. / Отв. ред. Л.В. Чекурин. – Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2016. – ?? с.

ISBN 978-5-902096-??-?

В сборнике представлены труды участников Межрегиональной научно-практической конференции по историографии – известных специалистов по русской историографии второй половины XIX – первой трети XX века, ученых Петербурга, Казани, Липецка, Рязани, Уфы. Авторы рассматривают научное наследие историков Д.И. Иловайского, М.К. Любавского, разнообразные аспекты развития историографии, восстанавливают биографии историков, научных и научно-просветительных организаций. Конференция приурочена к 155-й годовщине со дня рождения М.К. Любавского. В сборник включены статьи и материалы круглого стола, посвященного актуальным проблемам учебников по истории, региональным учебным пособиям.

Книга адресована историкам, учителям, сотрудникам музеев, библиотек, архивов, краеведам, читателям, интересующимся историей России.

ISBN 978-5-902096-??-?

- © Авторы, 2016
- © ФГБУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник», 2016
- © Рязанский филиал Московского государственного института культуры

23–24 апреля 2015 года в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике прошла Межрегиональная научно-практическая конференция «VII Историографические чтения памяти историков Д.И. Иловайского и М.К. Любавского (к 155-летию со дня рождения М.К. Любавского). Рязанская губерния – место рождения, обучения и первых шагов научной деятельности двух крупных отечественных историков. В библиотеках, музеях, Государственном архиве Рязанской области хранятся уникальные коллекции их трудов с автографами и посвящениями. В Рязани сложилось сообщество исследователей, профессионально изучающих проблемы истории исторической науки. Прошли Международные, Всероссийские, межрегиональные конференции, посвященные академиком Л.В. Черетину, И.И. Срезневскому, археологу В.А. Городцову, С.Д. Яхонтову, деятельности Общества исследователей Рязанского края, Рязанской ученой архивной комиссии. С 2002 года проведено семь историографических чтений, посвященных памяти Д.И. Иловайского и М.К. Любавского. Вышли монографии Л.В. Чекурина «Русский историк Д.И. Иловайский. Опыт библиографического исследования», «Без гнева и пристрастия. Личность и судьба историка Д.И. Иловайского», удостоенная в 2015 году премии имени Я.П. Полонского в номинации историко-документальной прозы. Признание потенциала Рязанского научного сообщества явилась победа в региональном конкурсе РГНФ «Центральная Россия: прошлое, настоящее и будущее». Грант РГНФ и финансовая поддержка Правительства Рязанской области обеспечила проведение в Рязани Всероссийской историографической конференции, материалы которой опубликованы. (Руководитель проекта Л.В. Чекурин, заместитель В.А. Толстов). В Рязани по материалам научно-практических конференций вышли сборники «Историографическое наследие провинции» (2009, 2011).

Научная, учебная, общественная деятельность историков Иловайского и Любавского пришлась на вторую половину XIX – первую треть XX веков. Историография этого периода дает уникальную возможность исследовать как гуманитарные достижения, так и гуманитарные катастрофы, редуцирование гуманитарного поля России в 1918–1930 гг. Названные хронологические рамки дают возможность оценить последствия искусственно разрезанной 1917 годом русской историографии и показать как творчество историков соединяет воедино заселение и освоение громадной своей территории России. Восстановление гуманитарного поля России и использование национального опыта в полном объеме – одна из главных задач историографии.

Возрождение имен крупных историков, историософское осмысление их жизненного и творческого опыта начато в Рязани в 1990-е годы практически с нуля. Финансовая поддержка РГНФ и правительства Рязанской области, Министерства культуры и Образования Рязанской области, РИАМЗа и РФ МГИКа позволили объединить усилия различных регионов России. В Рязанских историографических кон-

ференциях приняли участие преподаватели вузов, научных учреждений 14 городов. В их числе известные историки профессора Ю.В. Кривошеев (Санкт-Петербургский университет), А.М. Дубровский (Брянск), А.В. Соколов (Рязань), В.В. Фомин (Липецк), А.Н. Фукс (Москва), Л.В. Чекурин (Рязань); ведущие специалисты в области русской историографии доценты В.Н. Фешкин (Уфа), В.А. Толстов (Рязань).

Настоящий сборник содержит новые материалы о концепции многотомной «Истории России», личности Д.И. Иловайского. В статьях Л.В. Чекурина (Рязань), А.А. Алексеевой (Петербург), И.З. Шаяхметовой (Уфа), в интересном обзоре А.В. Плетневой (Липецк) даны оценки трудов Иловайского в историографических, энциклопедических советских изданиях.

В публикации профессора Ю.В. Кривошеева (Санкт-Петербург) представлены документальные материалы о судьбе репрессивного академика М.К. Любавского и роли в его реабилитации Народного художника Т.Г. Ливановой. Соединение сюжетов 1930-х и 1950–1960 гг. воссоздает перед читателями в возможно лаконичной форме сложнейшие процессы происшедшие в жизни страны в названные годы. В названной публикации больше достоверности, трагизма, гражданского мужества, человеческого участия, любви и уважения к памяти ученого, а также свидетельств чиновничьего равнодушия, чем в многостраничных исследованиях на эту же тему. Интересный обзор изданий, подаренных Т.Г. Ливановой в Рязанский музей-заповедник, сделанный И.П. Самойловой (Рязань) продолжает тему человеческого мужественного участия в преодолении беспамятности. Деятельность М.К. Любавского в Башкирии, сотрудничество с местными историками, исследователями литературы и языка освещены в докладах В.Н. Фешкина и Р.Г. Букановой. В статьях дан образ друзей и сподвижников Любавского в Башкирском НИИ истории и культуры, прежде всего сотрудничество М.К. Любавского и Г.С. Амантай. Профессор А.Н. Долгих (Липецк) на материалах лекционного курса М.К. Любавского по 18 веку проанализировал попытки решения крестьянского вопроса Екатериной II.

Актуальные вопросы источниковедения и историографии отразились в докладах и сообщениях Н.А. Бульчева, Б.В. Горбунова, И.Г. Кусовой, И.Ж. Рындина.

С.А. Соколов, А.Ф. Агарев, В.П. Курьшин, Л.В. Чекурин, А.И. Ивонина учителя г. Рязани У.Н. Воробьева, Н.В. Обухова приняли участие в обсуждении вопросов совершенствования современных региональных учебников по истории, констатировали, что именно в школьной учебной литературе отражаются новые концептуальные подходы. Назрела необходимость постоянного критического историографического анализа ученым сообществом концепций, применяемых в учебниках, отбора и комментирования фактического материала, его объема.

Л.В. Чекурин

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ИСТОРИКА ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА ИЛОВАЙСКОГО

Л.В. Чекурин

**Д.И. ИЛОВАЙСКИЙ О СМУТНОМ ВРЕМЕНИ
В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ
(к вопросу о концепции «Истории России»)**

Смутная эпоха, столь тяжелая часть истории русской жизни, оказалась «роковою» для трудов историков В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, М.Н. Карамзина. Повествуя о Смутном времени они едва добрались до событий, связанных с первым Рязанским ополчением. Классики ХУІІІ – начала ХІХ века лишь коснулись темы о Смутном времени. Н.М. Карамзин остановился на описании царствования Василия Шуйского, а следующий период междуцарствия («семибоярщины») довел событийную канву до убийства Прокопия Ляпунова. Дело не в том, что историк «не успел». В «Записке о древней и новой России» кратко освещен весь сюжет Смутного времени. Первопричина Смуты в изложении Карамзина коренится во временах Ивана Грозного. Обвиняется многоглавая гидра боярской аристократии, которая властвовала в России. Она же избрала на престол во имя внутреннего мира, по современной терминологии, «внешнего управляющего» сына Сигизмунда – католика Владислава. Нужна была Смоленская война, чтобы Владислав только в 1634 г. по условиям Полянского мира, получив контрибуцию в 20 тысяч рублей, отказался от Московского престола и признал Михаила законным русским царем. Запад дипломатически признал завершение смуты.

Главные события эпохи произошло в период народного подъема, реальным проявлением которого стали формирование народных ополчений, возрождение с их помощью светской власти, церкви, армии, народоправства в лице Совета всей земли и земских соборов. Это не вписывалось в монархическую концепцию Карамзина древней и новой России. О названных событиях у историографа лишь несколько справедливых строк: «Никогда народ не действовал торжественнее и свободнее никогда не имел побуждений святейших... Все хотели одного целости и блага России». Дальше историк опять оказался в плену своей основной концепции: «Не блистало вокруг оружие; не было ни угроз, ни подкупа, ни противоречий, ни сомнений. Избрали юношу, почти отрока, удаленного от света, почти силой извлекли его из объятий устрешенной матери-инокини, и возвели на престол, орошенной кровью Лжедмитрия и слезами Шуйского». С его точки зрения получается, что это и есть решающее событие, а не общенародный подвиг изгнания захватчиков из Московского кремля, деятельность Совета Русской земли, собирание Земского собора и его решение об избрании царя.

Университетский наставник Иловайского С.М. Соловьев в своем много-томнике посвятил годам междуцарствия две главы (70 стр.). Он пишет о событиях слишком коротко и стереотипно¹.

Сравнение книги Д.И. Иловайского «Смутное время Московского государства» с предшествующими исследованиями приводит к выводу, что Иловайский создал, отличную от предшественников, концепцию Смутного времени. Историографы обычно сравнивают труд Иловайского с поздними и более известными для нашего современника трудами. Для объективной оценки справедливее увидеть, что предшествовало монографии Иловайского.

В XIX веке на эту тему вышло множество публикаций. Наиболее объемны сочинения Н.И. Костомарова «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613. (1868, 1904); «Смутное время» (1883). Автор считал, что несмотря на неисчислимые бедствия Смуты не изменила в общественного порядка и государственного строя России. Труды Костомарова не подвергались современному историографическому анализу. И.Е. Забелин публикует книги «Минин и Пожарский» (М., 1896. Изд. 3-е), «Смутное время»; К.Н. Бестужев-Рюмин – «Письма о смутном времени». В «Опыте русской историографии» (1889. Т. I) В.С. Иконников поместил обзор «Новые исследования по истории Смутного времени», сам же явился автором книги «Князь Скопин-Шуйский». Н. Бицин (Н.М. Павлов) печатает статью «Правда о Лжедмитрии» в «Русском. Архиве» (1886, II), А.П. Барсуков – «Род Шереметьева», П.Д. Голохвастов – «Земское дело в смутное время», В.А. Самарянинов «Памяти Ивана Сусанина. (Кострома 1882, Рязань, 1884), И.Н. Божерянов – «Великая разруха Московского государства 1598–1612 со времени прекращения царей рода Рюрика до избрания царя из рода Романовых» (М., 1912); Хмыров – «Избрание и вступление на царство Михаила Федоровича Романова». СПб. 1863 и др.

В череде публикаций наиболее заметны первичные, каждая в своем роде, книги Д.И. Иловайского и С.Ф. Платонова. По современным изданиям создаётся впечатление, что их книги о Смуте вышли одна за другой. Платонов издал свою монографию в 1898 г., Иловайский – в 1899 г. Но это не так. Современные издатели опубликовав обе части четвертого тома «Истории России» Д.И. Иловайского со сплошной нумерацией страниц под общим названием «Новая династия», скрыли ценную библиографическую информацию. Издательство Чарли, путаясь в дореволюционных изданиях историка, в предисловии к тому «Новая династия» (М., 1996), кстати, такого названия у самого Иловайского не было, ошибочно посчитали издание 1894 г. вторым изданием. На самом деле второе издание выпуска «Смутное время Московского государства» было объединено со второй частью тома «Эпоха Михаила Федоровича Романова» и издано в 1899 г. На титульном листе названного издания не случайно значатся даты 1994–1999. Второй титульный лист содержит следующий текст: «Смутное десятилетие русской истории 1603–1613 годы». На следующем листе добавление: «Смутное время Московского государства. Окончание истории России при первой династии». После 323 страниц основного текста первого выпуска и приложений следуют титульные листы второго

выпуска «Истории России», титульный лист которого содержит следующие данные: «История России. Соч. Иловайского Тома четвертого выпуск второй». В середине титульного листа изображение Михаила Федоровича Романова в царском облачении с державой и скипетром. Под ним название второй части (выпуска) IV тома: «Эпоха Михаила Федоровича».

Две части тома печатались по мере готовности в разных типографиях. «Смутное время Московского государства. Окончание Истории России при первой династии» издается в Московской типографии Волчанинова в 1894 г. Второй выпуск – «Эпоха Михаила Федоровича Романова» имеет другие выходные данные: Московская типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К. В издании 1899 года Иловайский, объединив оба выпуска, сохранив прежние титульные листы. Возможно, этим подчеркивался тот факт, что его книга «Смутное время Московского государства» опередила хронологически монографию его главного оппонента и критика С.Ф. Платонова. Требование библиографов просматривать литературу *de visu* помогло установить истину.

Переписка С.Ф. Платонова с историками подтверждает наши библиографические наблюдения. По письмам можно понять, что С.Ф. Платонов был знаком с первым изданием Д.И. Иловайского о Смутном времени. В письме к издателю А.С. Суворину от 8 июля 1994 г. он пишет, что «его (Смутное время Ч.Л.) много изображали, но мало исследовали, а меньше всего последний историограф». Имеется в виду Д.И. Иловайский. Письмо написано сразу после публикации Иловайским «Смутного времени Московского государства». В письме к М.А. Дьяконову (28 июля 1998 г.) уже по завершении своих «Очерков о смутном времени» С.Ф. Платонов полусерьезно сообщает коллеге: «Мне таки удалось поработать, и я наплодил здесь достаточно исторических ересей (т.е. дать иной взгляд, не совпадающих с прежними трудами Ч.Л.), за которые готов принять казнь, яко Арий от «Николы» Иловайского: наверное оплюет меня. А я все-таки обошелся в истории Смуты без разбора вопросов о смерти ц (аревича) Дмитрия и личности Самозванца...». В приведенном письме – вновь невольная ссылка на первое издание «Смутного времени» Иловайского 1894 г. Второе издание состоялось только в 1899 г.

К вопросам первенства историка чувствительны. Многие работы и идеи Д.И. Иловайского заслужили название «впервые». Историк не раз начинал новую актуальную тему. В 1850–1860 – е годы за «Историей Рязанского княжества» последовал шлейф работ по истории русских земель эпохи самостоятельности. Тогда это был его ответ на вызовы времени кануна Великих реформ – исследовать Россию «во всех изгибах» ее прошлого и настоящего. Теперь работы о Смутном времени – предчувствие грядущей грозы. Книга Д.И. Иловайского объективно, независимо от воли автора, открыла в конце XIX в. поток «предсказательных» работ о грядущих испытаниях России. Последняя четверть века беспокойная обстановка предвещала грядущие бури. Историки не предсказатели, но они, видимо, интуитивно были недалеки от

истины. От Русско-японской войны и Первой русской революции и оставалось всего пять – семь лет. В 1897–1898 гг., С.Ф. Платонов начал публикации в ЖМНП отдельных глав будущей монографии «Очерки Смутного времени Московского государства». Работа его тоже разделена на две части, но по другому принципу. Первая часть охарактеризовала реальную историческую обстановку, демографию и географию отдельных географических районов Московского государства перед Смутой: Замосковье, Новгородские и Псковские земли, Поволжье, Рязанская земля и Юго-западная окраина, Дикое поле. Дана реальная общественная обстановка, в которой возникла Смута. Вторая часть монографии анализировала главные моменты Смуты с целью показать постепенное торжество средних классов общества над верхом и низом. К сожалению, сложившиеся отношения Иловайского и Платонова не позволили последнему преодолеть предубеждения и он не упомянул книги о Смутном времени Иловайского даже в критических тонах. Забвение – сильное оружие историка, тем более такого масштаба как С.Ф. Платонов. Иловайский не назван среди предшествующих историков в историографическом обзоре в «Лекциях по русской истории» За первым цельным взглядом на историческое прошлое в известной «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина следует Н.А. Полевой и Н.Г. Устрялов, которые не исправили Карамзинской системы, и не заменили ее другой. Далее в обзоре названы труды С.М. Соловьева и К.Д. Кавелина. Многотомник Д.И. Иловайского не удостоился упоминания в кратком историографическом обзоре. Вслед за Платоновым труд Иловайского не упоминают и нам современные исследователи Смуты. Не упомянут труд Иловайского о Смутном времени и в обширных публикациях профессора. В.Н. Козлякова.

С.Ф. Платонова в одном из писем Милюкову свидетельствует, что труд Иловайского ему известен, но его не интересуют детали прагматической истории. Он радуется, что не дал себя «втянуть в дискуссии об Иване Сусанине». Платонова больше интересовали «сословные аспекты Смутного времени». В результате личного неприятия, историографическая наука потеряла возможность иметь оценку монографии Иловайского крупнейшим специалистом по истории России. Только в своих «Лекциях по русской истории» он вынуждено упомянул «Смутное время Московского государства» Иловайского мало нам говорящей репликой: «Суждения его ... более категоричны, чем вероятны»². Многие историки, писавшие о Смутном времени, нашли отклик в главной монографии С.Ф. Платонова «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–X VIII вв.» и взгляды их так или иначе рассмотрены. В целом, С.Ф. Платонов критически относится ко всем без всякого исключения работам своих предшественников по исследованию Смутного времени. Многотомник Иловайского «История России» С.Ф. Платонов упомянул только в 1917 г. В условиях революции он сам становился, как и Иловайский, «бывшим». В последнем издании 1917 года «Лекций по русской истории» читаем: «После очер-

ков Иловайского лекции Платонова стали самым подробным обобщающим изданием, в которой огромный период Российской истории – от расселения славян в Европе до Великих реформ императора Александра – был представлен ярко, образно, увлекательно». В предисловии к «Лекциям по русской истории». (1917) автор непривычно пишет о себе в третьем лице, а тома Иловайского называет «Очерками», вкладывая в термин не очень нам понятный сегодня смысл. Платонов и свою главную монографию назвал «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.». Видимо, по его мнению многообразие сюжетов, изобилие материалов, требовало не сжатого очерка, а многостороннего специального исследования. У С.М. Соловьева в «Истории российской с древнейших времен» такое исследование заключено в 29 томов, у Д.И. Иловайского в «Истории России» – 5 томов, у Платонова в «Лекциях по русской истории» всего два тома. Оценка трудов, написанных «ярко, образно, увлекательно» судя по тексту в одинаковой степени относится как к Платонову, так и к Иловайскому.

Д.И. Иловайский не мог сослаться на монографию С.Ф. Платонова, вышедшую в 1898 г. Но автор, следуя научным традициям, назвал в примечаниях к своей монографии большинство публикаций Платонова, независимо от того соглашался он с его положениями или находил спорные моменты в его трактовках. Это сделано в примечаниях к четвертому тому «Истории России». Иловайский назвал источники, опубликованные Платоновым и его мнения по поводу этих источников. Самостоятельных и современных Смуте источников немного: Сказание Авраамия Палицына, Повесть 1606 года, произведение Катырева Ростовского и дьяка Тимофеева. Иловайский сослался на первую часть «Сказания об осаде Троицкого монастыря» Палицына, опубликованной Платоновым в «Русской исторической библиотеке» (Т. 13), а также на «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени». Он согласился с наблюдениями Платонова, что «Новый летописец» и «Летопись о многих мятежах» (1771) отразили точку зрения патриарха Филарета³. Иловайскому показалось интересным выделение С.Ф. Платоновым «Из иного сказания о самозванцах» повести 1606 года и датировка ее написания – между перенесением мощей Царевича Дмитрия и началом мятежей против Шуйского. С.Ф. Платонов предполагал причастность к составлению Повести 1606 г. Авраамия Палицына⁴.

Монография Иловайского о Смутном времени (1894 г.) небольшого объема, всего 250 страниц текста, состояла из шести глав. В объемных примечаниях, в современном издании еще 62 страницы текста, выделен раздел с обзором разногласий в источниках и мнениях историков по вопросам Смутного времени. Не случайно выделен «Вопрос о личности и руководителях Первого Лжедмитрия». Иловайский причину и начало смуты увидел во внешних факторах – происках и «интригах» соседней Польши и Литвы, а также во внутренней социальной борьбе в русском государстве, принявший

форму самозванства. Западные соседи использовали внутреннюю обстановку в России в начале XVII века. Иловайский, начиная московское разорение от первых самозванцев, завершил первую часть тома избрание Михаила Романова. Его хронология Смутного времени отличается от других исследователей. Он ограничил Смутное время десятью годами. Царствование Бориса Годунова в Смуту Иловайский не включил.

Не в самой монографии, а отдельно написанном «Общем взгляде на Смутное время», он написал: «Главною причиною вызвавшей этот мучительный перелом или исходным его событием является прекращение древнего царствующего дома Владимира Великого (а не Рюрика Л. Ч.), прекращение, подготовленное тиранством Ивана Грозного, не пощадившего и собственного потомства. В сущности, Иван Грозный и был непосредственным виновником Смутного времени, подготовив для него почву, с одной стороны, сыноубийством, а с другой, вообще своим необузданным деспотизмом»⁵. Крепостничество, как временная мера, было опробовано им же. С 1581 году население было привязано к месту жительства при проведении общей переписи населения. Иловайский обращает внимание на необычность социальной ситуации.

В тексте монографии Иловайского прекращение династии не имело трагических последствий, пока дело не осложнилось безвременной гибелью единственного отпрыска царствующей фамилии Дмитрия в Угличе. Его насильственная смерть была окружена обстоятельствами, которые предали ей характер таинственности, и сделали ее предметом разнообразных слухов и толков, обостривших борьбу сословий против царствующего Бориса Годунова. То есть не сам факт прекращения династии, а использование сопровождающих обстоятельств внутренними силами, населением недовольным укреплением, а также соседями России, которые умело использовали сложившуюся в стране обстановку для захвата западных земель Русского государства. Начало положили польско-литовские враждебные действия с участие короля Сигизмунда III и его армии. Шведы, выступили со своим претендентом на русский престол – отпрыском шведского короля, который претендовал на Новгородские земли. Шведы привлекли наемники – англичан, немцев, французов.

По большому счету, оценка причин Смуты Иловайский находится в полном согласии с образной формулировкой В.О. Ключевского: «Смута испечено в польской печке (в Польше Ч.Л.), а заквашена в Москве». Иловайский рассматривает в начале Смуты внутренние причины и внешние факторы, как «союз внешних врагов с внутренней крамолой». В дальнейшем смута, продолжая действовать все с более разрушительной силой, привела русское государство к разрушению⁶. Историк отдает первенство Польской интриге и польским действиям. Поэтому первые главы посвящены Лжедмитрию на Московском престоле, Василию Шуйскому и Лжедмитрию II, которого к власти также как и первого Лжедмитрия привела «польско-шляхетская и казацкая воль-

ность». Следующие главы повествуют о силах русского сопротивления: об успешной обороне Троице-Сергиевской лавры, военных успехах Михаила Скопина Шуйского. Однако, эти силы не смогли остановить трагическое московское разорение.

Первый выпуск четвертого тома рассматривает развитие событий, которые – завершатся освобождением Москвы, избранием и коронацией Михаила Федоровича Романова. Отдельно историк поместил «Общий взгляд на Смутное время». Это заключение написано Иловайским позже самой монографии. Некоторые положения «Взгляда» не согласуются с текстом монографии, в которой дано прагматическое описание событий, сделанное опытным писателем хорошим литературным языком. Иловайский не может повторить Карамзина, тот не случайно остановился на убийстве Прокопия Ляпунова. То, что произошло дальше, не вписывалось в монархическую концепцию. Концепция Н.М. Карамзина нашла место в заключительном обзоре «Общем взгляде на Смутное время». Но эти страницы помещены за пределами основного текста монографии.

Московское и Петербургское университетское сообщество, бурно отреагировавшее на выход третьего тома «Истории России» на новую книгу Иловайского не откликнулось. Создается впечатление полного бойкота со стороны С.Ф. Платонова, П.Н. Милокова и других столичных историков. Иловайский, не считаясь с этими обстоятельствами, публикует замечания на диссертацию С.Ф. Платонова, а в свое время, дал резкий ответ на критическую статью П.Н. Милокова на свой труд «Разыскания о начале Руси». Единственным историком, который отметил рецензией выпуск «Смутное время Московского государства» был профессор Варшавского университета. Д.В. Цветаев. В историографических учебниках он почти не упоминается. Только Л.В. Черепнин вспомнил рассказы С.К. Шомбинаго о службе в архиве Министерства юстиции, где служили известные историки и архивисты Д.Я. Самоквасов и Д.В. Цветаеве. Оба преподавали в Варшавском и Московском университетах.

Д.В. Цветаев известен как историк и архивист. Он окончил Петербургскую духовную академию (1871), педагогические курсы при Второй военной гимназии в Петербурге. Преподавал историю, словесность и ряд других предметов в средних учебных заведениях в Орле и Москве. Магистерскую диссертацию «Из истории иностранных исповеданий в России XVI–XVII веках» защитил в 1886 в Москве. Книга вышла в том же году. Избирается приват-доцент Московского университета, а с 1887 г., профессором Варшавского университета по кафедре русской истории. С 1897 г. по 1900 Д.В. Цветаев профессор Московского университета. В Варшаве он подготовил и издал документальные материалы, главным образом, из польских рукописных и документальных собраний о царе Василии Шуйском. С 1911 Цветаев сменил Самоквасова на посту управляющего Архива Министерства юстиции. С 1918 г. активно

участвовал в подготовке реформы архивного дела. Рецензия Д.В. Цветаев профессиональна, он хорошо знает западные польско-литовские источники.

Рецензия опубликована Д.В. Цветаевым в Сборнике Историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. «Т.I. Киев 1896. С. 108–112» – так гласит карандашная запись на отдельном оттиске, сохраненном в Государственной национальной библиотеке. В оттиске отсутствует одна из пяти страниц рецензии – титульная. Со многими оценками труда Иловайского можно согласиться, в том числе, с оценкой Лжедмитрия I, который в рецензируемой монографии поставлен на первое место. Иловайский доказывал, что он был орудием разветвленной польской «интриги», по существу – плана захвата Москвы. Магнатские фамилии Мнишки, Вишневецкие и Сапег, польский король Сигизмунд III и католические монахи, а не московские бояре подготовили самозванца. Бояре же не были равнодушны к польской интриге, помогли ей, и использовали самозванца как удобное орудие для своих целей. А когда бояре достигли своих целей, легко расправились с ним, убили Лжедмитрия, а его прахом зарядили пушку, и выстрели в ту сторону, откуда тот появился. Это не значит, что Иловайский видит только польскую интригу. Его мнение основательнее и глубже. Внутренние обстоятельства в самой России были, не менее важными, а, может, и решающими факторами Смуты. Понятия гражданской или крестьянской войны заняли в историографии господствующее положение уже в советской историографии.

Иловайский в первой главе «Польские козни и начало самозванства» дал свое видение фигуры Лжедмитрия. Самозванец не Григорий Отрепьев, а другое лицо. «Вероятно ополяченный западнорусский шляхтич, индифферентный в церковно-религиозном деле, неискренне принявший католичество и не преданный иезуитам. Дмитрий человек с недюжинными способностями, с большим запасом смелости и дерзости. Эти соображения и прежде высказывались в литературе, в книге Иловайского получают новое подкрепление, иногда с достаточными документальными основаниями, иногда в виде остроумной догадки. Едва ли кто – либо после прочтения книги Иловайского смог бы поддерживать легенду о беглом монахе, который по чистой случайности стал «козлом отпущения» за чужие грехи. Иловайский показывает, что роль Лжедмитрия больше подходила ополяченному русскому человеку из Западной Руси, ловко подготовленного и сильной рукой поддержанного. Разгром на Юге России польского отряда мог положить конец польской авантюре, но этого не случилось. Прямая военная поддержка закончилась, поляки покинули претендента на престол, а дальше на его сторону стали жители Путивля и других городов. Продвижение к престолу совершалось «на крыльях» сочувственной «всенародной поддержки». С помощью правящей элиты – московских бояр, в течение нескольких недель Лжедмитрий занял русский престол. Дмитрий не убежден в своем царском происхождении. «Тень Грозного меня усыновила, Дмитрием до гроба назвала» – это мнение поэта. По всем источникам Дмитрий

сознательный обманщик, игравший свою дерзкую роль полушутя, потом как будто с некоторым толком, под конец с отчаянием, без всякого уже рассудка⁷.

Эпоха Смутного времени представляет для историков не малую трудность. С.Ф. Платонов в июле 1894 г. в переписке жалуется А.С. Суворину, что не может сладить с темой, схватить суть эпохи, понять межсословные отношения. Менялась парадигма. Историки двигались к пониманию сути гражданской войны XVII века, ее уроков, социально-экономических причин. В этом направлении историография прошла нелегкий и долгий путь. Звеню постижения истины были исследования историков, исповедующих разные политические ценности. В этом сообществе Иловайский имеет свою нишу. Он соединил методы критического оценки источников с ясно и последовательно выстроенными фактами прагматического процесса. Действия по захвату русского престола у него «хорошо соображены» внутреннею последовательностью фактов и ясно прокомментированы в книге. Конечно, к автору есть обоснованные претензии современных и более поздних критиков. Например, недостаточно исследована роль и вся деятельность русского земства. Не только у него, но и у его предшественников земская деятельность изучена и представлена «недостаточно рельефно». Оставлена в тени внутренняя жизнь городов, волостей, всех тягловых и привилегированных сословий. А именно города с уездными, сельскими волостями, низшим служилым классом проявили столь энергичную и жертвенную деятельность, невероятным напряжением народных сил восстановили государственный порядок. На события решающим образом влияли крестьяне, служилые люди, горожане, по терминологии Авраамия Палицына, не «множайшие», а «малейшие». Русская Земля, казалось, внешне распалась, а на самом деле собиралась вокруг той же Москвы, к которой целые века исторически тяготели суверенные русские земли, преодолевая центробежные силы. Вот эту сторону вполне обосновано желали оппоненты Иловайского увидеть на страницах его истории. Работая над своими томами «Истории России», он не был чужд столь важной проблематики. Именно Иловайский начал исследование процесса вхождения самостоятельных русских земель в единое Московское государство, а теперь он пытался постичь этот процесс в экстремальных условиях Смуты.

Внимание Иловайского, привлек вопрос о природе неограниченной русской монархии. Был ли действительно ограничен в своей власти при избрании на царство шестнадцатилетний Михаил Романов как, например, Василий Шуйский, который подчинился интересам крупной земельной аристократии. Иловайский рассмотрел эти вопросы, но не пришел к окончательному выводу в отношении попытки ограничить новую династию. В тексте «Смутного времени» он отметил необычность для московских самодержцев присягу: царь не мог без боярского приговора осудить на смертную казнь, а если кто и будет осужден, то у невинных его родственников ни жизни, ни имущества не отнимать, доносов тайных не слушать и давать обвинителям очную ставку

с обвиняемыми⁸. Такие ограничения подверглись сомнению в отношении новой династии, ибо на это не было согласия «Всей Русской земли». Не до этого было силам, которые восстанавливали русскую государственность, а боярство на время утратило свое влияние. Реальная власть была у служилого сословия и городских общин. В примечаниях к «Смутному времени» Иловайский очень подробно рассматривает источники, которые дают основания утверждать успешность попыток ограничить власть при первом Романове. Ссылаясь на доступные ему свидетельства, (Примечания Ил 1996. С.550) Иловайский приходит к выводу о существовании ограничений, которые были предложены боярами Михаилу при его избрании. В частности, приводят свидетельства Страленберга в его сочинении *Das Nord – und Ostliche Theeil von Europa und Asia*. (Stcrholm. 1730). Швед Страленберг, плененный под Полтавой и вместе с другими пленными пребывал в Сибири. Освобожденный после Ништадского мира и возвращаясь на родину он останавливался в Москве. Книга его, издана почти через десять лет после плена и спустя век после избрания Михаила. Вряд ли можно усмотреть корысть автора в сообщаемых о России данных. Существовал подлинник письма Филарета к Ф.И. Шереметьеву, сохраненный у фельдмаршала Борис Петровича Шереметьева. В письме достоверно сообщалось об избрании Михаила на царство. В завершении своего рассказа Страленберг привел условия, которые принял и подписал Михаил перед коронованием. Условия эти следующие: 1. Блюсти и охранять православную церковь. 2. Предать забвению все обиды, причиненные отцу Михаила и вообще фамилии Романовых. 3. Не отменять старых законов и не создавать новых (подразумевается – без согласия Боярской думы). 4. Важные дела или иски решать не по собственному усмотрению, а по закону правильным судом. 5. Не предпринимать войны и не заключать мира по собственному усмотрению (а, конечно, по согласию с Боярской Думой) И, наконец, в 6 – х. Имение свое (если нет прямого наследника Л.Ч.) отдать родственникам, или присоединить к государственным имуществам. У Страленберга пять пунктов, но третий пункт сам собой распался на два⁹.

Интересны оценки Иловайского различных звеньев исторического процесса. Движение Литвы на Русь, например, Иловайский рассматривает, как движение братоубийственное. Русская государственность и до Смутного времени развивалась исторически в правильном направлении. Когда Смуту удалось прекратить, государственная и общественная жизнь вошла в прежнее русло и развивалась в прежнем правильном направлении. Даже такое горестное явление как крепостное право, казалось бы могло быть снесено бурями Смутного времени, но и оно продолжало свое развитие с того же самого пункта, на котором оно остановилось в Смутную эпоху¹⁰ (Илов. Т. 4. Вып. 1. С. 242).

Том «Смутное время Московского государства» Иловайского отличает исторический психологизм, который воздействует на читателя таким образом,

что становится и его личным опытом. Он сумел олицетворить социальные абстракции в конкретные фигуры русского и польского XVII века. Труды Иловайского по XVII веку оказали влияние на творчество писателей и поэтов, например, на поэзию М.И. Цветаевой¹¹.

Романтическая предыстория масштабного бедствия, охватившего отечество показана Иловайским на фоне династических притязаний соседей, интересов Польши, Швеции и католического Рима. В реальных образах Ляпунова. Пожарского Минина выражены национальные интересы России

Историк в кровавые события Смуты мастерски вплел романтическую историю любви Марины, политические страсти и государственные расчеты ее окружения. Историк облачил рядовых действующих лиц, их более двухсот, в романтические одежды героев того времени положительных и отрицательных. Он воздает должное друзьям и врагам России, порой Лжедмитрий ему симпатичен. Занявший престол Дмитрий очень многогранен, даровит, предприимчив. Он дерзок, фанатичен и, одновременно, толерантен. Иловайский воскрешает сотни исторических имен из окружения короля, папского нунция, польских аристократов, как увлеченных авантюрным проектом, так и трезво отрицательно оценивших его, например, Замоиского. Более картинного и лаконичного описания смутного времени ни до, ни после историками не создавалось. Будут глубокие социальные анализы, скрупулезно – критические разборы источников. Психологизм же Иловайского проникает сквозь толщу исторических напластований. Изложение конкретных действительных событий и мифов, сквозь призму личности является для читателя исторически реальным и социально значимым. Для образного мышления русского читателя страницы Иловайского доходчивее сухой социальной статистики. Иловайский ценил занимательность повествования.

Как в монографии о Дмитрии Донском, биографическом очерки о Е.Р. Дашковой, книга о Смутного времени населена сотнями конкретных персонажей. Они даны в сложных исторических ситуациях, одни показаны в развитии, другие, лишь упомянуты историком. Такой прием нередко звучит более убедительно, чем попытки оперировать безликими народами, классами и сословиями. Впечатление от его «Смутного времени» значительно сильнее, чем от историков, которые оперируют массами, и знают всего несколько исторических имен, чаще только вождей. Безлюдная история скучна, если не бессмысленна. Другое дело, страницы, где есть не только Борис Годунов, но его сын, жена, дочь – красавица Ксения, попавшая на ложе Лжедмитрия. Не только Шуйский, но и его братья. Не один Прокопий, но и десятки тех, кто разделял с ним страду, славу, его трагедию и смерть ради освобождения России от окаянных захватчиков.

Иловайский включил в свою книгу всех, кто был участником борьбы за освобождение, тех кто погиб и тех кто привел русский народ к победе. Тщательно выписаны зачинатели освободительного народного движения,

спасители России и те, кто не дождался окончательной победы. Так подробно описана трудная судьба, мужество и гибель Патриарха Гермогена. Филарет Никитич Романов, один из самых образованных русских людей, возведенный Лжедмитриями в ранг митрополита, а затем патриарха, наравне с Гермогеном зачинатель противоположного народного движения, «выразившихся в сборах двух ополчений Ляпунова и Пожарского». Филарет влиял на события в России, в том числе и на выборы царя, даже находясь в польском плену.

Впервые столь подробно представлен на широком фоне Смуты глава Первого рязанского ополчения Прокопий Петрович Ляпунов и его сподвижники. Образ Ляпунова дан в развитии, как главы активного рязанского дворянства, на чьи плечи исторически легла защита южных рубежей русского государства. Рязанские дворяне после смерти Грозного царя выступили против Бельского, задумавшего вернуть кровавую опричнину. В сложных обстоятельствах Ляпунов оказался вместе с Истомой Пашковым в лагере Ивана Болотникова, от которого тульские и рязанские дворяне в конце – концов ушли. Их разделили социальные интересы. Ляпунов не сразу осознал единственный путь спасения России. Его отличали осведомленность в международных делах, широкий политический кругозор, что объяснялось связями с московским дворянством. Его брат Захар Ляпунов был в составе посольства вместе с Филаретом и Голицыным. Постоянно ссылаясь с братом, он знал, как развиваются события под Смоленском и в Польше. Благодаря знакомству с Михаилом Скопиным-Шуйским он знал Новгородские события. Вынашивал план смены бездарного Василия на талантливого и энергичного Михаила Скопина-Шуйского и тем, возможно, погубил талантливого полководца. Ляпунов – личность нового времени, посмеявшаяся предложить на русский престол наиболее подходящую кандидатуру. Знал Ляпунов и трагически разворачивающиеся события в окружении патриарха. Он разделял позицию Гермогена. Патриарх, в свою очередь, знал Прокопия Ляпунова, выделял его среди остальных воевод. В источниках есть сведения, что Гонсевский и Салтыков, опасаясь авторитета Ляпунова, заставляли Патриарха Гермогена обратиться к Ляпунову, образумить его, чтобы он не сопротивлялся избранию Владислава и во всем следовал польским интересам. Ляпунов первоначально, действительно, поддерживал идею умиротворить Россию путем избрания польского королевича. Но время шло, и ему открылась истина, что никакого королевича нет, и не будет, а есть прямой захват столицы, угроза потери Смоленска, Новгорода и других русских земель. Он становится на путь объединения русских сил для изгнания поляков из Москвы, защиты православной веры, избрания русского царя. Его сила и организаторские способности, невероятная энергия в короткое время помогли связать общими делами 25 русских городов, получить новые отряды для рязанского ополчения, организовать помощь им оружием и припасами. Под его руководством формировалось первое общерусское ополчение, которого назвали Рязанским по имени земли, возглавившей объ-

единение. С.Ф. Платонов этого названия старался не употреблять называл первое ополчение Подмосковным. На мой взгляд, это противоречит истине. Ополчение Минина и Пожарского всегда называли по имени Земли, откуда они явились под стены Москвы – Нижегородским. Русские – люди земли, а каждой часть России конкретна, по своему прекрасна и у каждой есть имя и свои особенности и заслуги в общей истории.

У Ляпунова был опыт взаимодействия и с казацкими отрядами. Особенностью Первого ополчения стал его многонациональный состав. Иловайский тщательно собрал сведения о всех частях Первого Рязанского ополчения Ляпунова, которое по численности достигало (по приблизительным данным), ста тысяч человек¹². Точная статистика отсутствовала, но эти тысячи вряд ли когда-нибудь собирались в одном месте, силы распределялись по просторам России, по городам и весям. В их число могли входить и защитники отдельных сел и крупных крепостей. Последовательно, следуя документам, Иловайский констатирует вместе с выходом из Переяславля Рязанского головного отряда с «нарядом» (пушками) и гуляй-городом, присоединение более десяти других отрядов. Из Шацка двинулся Иван Корподицкий с темниковцами, алатырцами, мордвой, черемисами и чувашами; из Муромы – князь Василий Федорович Масальский, нижегородцы – с князем Александром Александровичем Репниным, из Суздаля и Владимира вел отряды воевода Измайлов, а казаков – атаман Просовецкий. Из Переяславля-Залеского явился стрелецкий голова Можаров, отряды из Вологды и Поморских городов привел воевода Федор Нащекин. Из Романова явились со своими людьми князья Пронский и Козельский и с ними – мурзы со своими татарами. Из Галича явился воевода Мансуров, из Костромы – князь Федор Иванович Волконский. Из Калуги пришли с земцами и казаками князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой с остатками тушинцев, из Тулы – Иван Трубецкой с казаками. Наконец, из Зарайска пришел с дружиной князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Он дан в развитии с первых дней своего воеводства в Зарайском кремле, первоначально как сторонник законной Московской власти. Ляпунов и Пожарский не раз оказывали друг другу помощь, служа интересам России. Объединившись, они сумели победить врагов под Пронском, Михайловым и Зарайском.

Когда в Новгород пришли известия о сожжении Москвы и польских неистовствах и жестокостях новгородцы выместили свой гнев на воеводе Иване Михайловиче, сыне известного московского изменника Салтыкова. Его посадили на кол. Сторонников Польской партии (Чеглова) заключили в тюрьму. Новгородцы присягнули Ляпунову и послали «ратных людей с нарядом». Главным воеводой в Новгород был прислан от Ляпунова Василий Иванович Бутурлин. Ему пришлось вести переговоры с еще одним претендентом на русский престол. Интересы шведского королевича представлял Яков Делагарди, который предлагал свои услуги в борьбе с поляками, а на деле пытался овладеть Новгородом и другими русскими городами. В Пскове

господствовали шведы, и внутренняя смута не позволила славному городу выступить на защиту России. По разным причинам медлили пермяки, вычегодцы и казанцы.

Ополчение в сто тысяч не кажется Иловайскому преувеличенным. В Москве приблизительно, насчитывалось до 75 тысяч населения. Правда, восставшим москвичам еще до прихода рязанского ополчения был нанесен значительный урон. Целые районы столицы были выжжены и уничтожены. Эти обстоятельства усложнили действия Первого Рязанского ополчения. Сказывалось отсутствие координации казацких отрядов и служилых людей. Поэтому с приходом объединенных сил под Москву служилые люди стали организовывать единое управление.

Главной причиной Смутного времени Иловайский называет последствия тирании Ивана Грозного. Русские обстоятельства пресечения первой династии русских царей были хорошо известны в западной Европе и Польше, которые воспользовались ими для захвата русского престола и присоединения к Польше значительных территорий России. Социальная напряженность в государстве Иловайский видел, но не считал ее главной причиной. С периодическими недородами и голодом Россия справлялась не однажды.

В качестве защитника России и государственного порядка выступила внутренняя духовная сила – православная церковь. В столице ее стойким представителем до своей гибели в тюрьме от голода был Гермоген. Ему принадлежал главный почин в народно-православном противополопольском движении. На его призывы отзывался русский мир, коренные великорусские области, русские города. Вне столицы огромную роль сыграла Троицкая лавра.

Первое ополчение, выставленное многими областями стало «добывать» Москву из рук поляков. Народ объявил войну польским и воровским шайкам. В каждом селе организовывался отпор бесчисленным грабительским шайкам из казаков и поляков.

Прокопий Ляпунов в документах писался по чину третьим, но играл в ополчении первую роль. Иловайский обращает внимание на тот факт, что Иван Заруцкий и Дмитрий Трубецкой получили боярские звания от Лжедмитрия. Ляпунов получил свой чин от законного царя.

Вместе с земским ополчением Иловайский вывел на своих страницах буйную и хищную казацкую вольницу, начальство над которой получали злонравные честолюбцы и интриганы. Они свершили предательское убийство Прокопия Ляпунова, что осложнило дело освобождения Русской земли. Потребовалось выдвижения новых людей. Освободительное движение не могло увенчаться успехом, не прекратив «гибельной розни и шатание умов». Под влиянием спасителей отечества наступила благодетельная реакция в пользу народного единства против иноземного насилия. Ляпунов, Минин и Пожарский – это такое явление, которое не один раз повторялось в мировой и русской истории, они оказали решающее влияние на ход истории. В этом

ряду Дмитрий Донской в XIV веке, Жанна Д'Арк в XV веке, Ляпунов с Пожарским и Минин в XVII веке.

На историческую сцену выступила земская народная сила, объединенная в лице выборных людей. Эта сила избрала Совет всей Русской земли, попыталась объединить военное руководство движением, создать органы управления – приказы. А после успешного освобождения столицы занялась выбором царя и устройством государства. Всякое дело требует хлопот и стараний. В Смутное время созидательный труд связан с риском для жизни. Погиб Ляпунов, тяжело ранен Пожарский. Дело завершил Кузьма Минин, самый именитый среди борющихся сторон. Смутное время – историческое горнило, ниспосланное русскому народу. В тяжелых испытаниях каждый русский выстрадал мысль о всенародном единстве. От внешних и внутренних врагов в эту эпоху Русь освободилась одними собственными силами, не прибегая к посторонней помощи. Современный День народного единства родился как признание великого урока, который был преподан историей. Сила России в единстве.

Иловайский охотно в Первом выпуске четвертого тома «Истории России», как и в других публикациях, высказывался по спорным вопросам. У Иловайского есть страница о старосте села Деревнищи, одном из ближайших к Домнино, где скрывались Михаил с матерью, старицей Марфой. Сусанин послал в Домнино с предупреждением об опасности своего зятя Богдана Сабинина. После описания гибели Сусанина и отъезда Марфы с сыном в Ипатьевский монастырь и дальше в Кострому Иловайский прибавил. «Так вероятно или приблизительно совершился сей подвиг, о котором история, к сожалению, имеет только или глухие, или косвенные свидетельства»¹³. К небольшому тексту о Сусанине Иловайский в примечаниях прибавил несколько страниц петита. Приведены подлинные грамоты, составленные по прошению старице Марфы Ивановны. По ее просьбе Царь жалует Богдашку Собинина за кровь тестя его Ивана Сусанина. Приведены и более поздние грамоты Анны Иоанновны 1731 г. и Екатерины II в 1767 г. Еще одна, третья грамота выдана Михаилом Федоровичем. Иловайский обращает внимание на мало известного историка В.А. Саморянинова, признающего реальность событий в Костромской земле. Иловайский возразил покойному Н.И. Костомарову, который вопреки очевидным фактам считал, что польских шаек в Костромской земле не было, тем самым отрицал реальность подвига Сусанина. С.М. Соловьев и М.П. Погодин, а также отыскавший новые источники местных архивов В.А. Саморянинов («Памяти Ивана Сусанина». Кострома 1883, Рязань. 1884) придерживались другой точки зрения. В.А. Толстов собрал интересный биографический материал о Саморянинове¹⁴.

«Устранимость» Смуты Иловайский видел в правильных и разумных действиях твердой власти, опирающейся на православие и «единение» сословий. Далее у Иловайского интересный момент, выпадающий из монархических

схем. Путь к единению сословий – создание представительных совещательных учреждений. Важным, по его мнению была нейтрализация влияния чужих религий. В этих мыслях он близок ко взглядам С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина, В.Н. Чечерина.

Заключив первый выпуск четвертого тома избранием и коронацией юноши Михаила Федоровича Романова, второй выпуск четвертого тома историк посвятил его нелегкому царствованию, которое вывело Россию на путь стабильного развития. То была «эпоха сравнительного затишья, наступившего после разрушительных бурь Смутного времени, эпоха постепенного восстановления и укрепления государственного и общественного порядка вместе с дальнейшим развитием московской централизации»¹⁵.

Изложение у Иловайского сопровождается обширными примечаниями, в которых названы источники и труды предшественников нередко с критической оценкой. Вся система доказательств, историография вопроса, ссылки на источники вынесены в примечания. Им проведены дополнительные изыскания источников, привлечены детальные сведения по различным общим и частным вопросам. Впервые создан систематический свод литературы и источников по изучаемой тематике. Библиографический аппарат такого объема впервые оказался в распоряжении читателей и дал возможность сделать собственный обзор событий русской истории в совокупности.

Время не стоит на месте. Для понимания смутного времени большое значение имело исследование крестьянского движения и оценки многих событий гражданской войны сословий. Большой вклад в современные представления о Смуте внесли исследования ленинградского историка Р.Г. Скрынникова. В 2007 г. вышла монография рязанского профессора В.Н. Козлякова, занимавшегося данной темой со студенческих лет. Труд подкреплен солидным сборником документов «Общественная мысль в России в XVI–XVII вв. В трех томах «Литературные памятники Древней Руси» Д.С. Лихачева и Л. Дмитриева сто литературных источника. У И.Л. Андреева и В.Н. Козлякова вдвое меньше, но ими привлечены источники, которые литературоведы не касались: письма, грамоты, договора, приговоры, присяги. Обе книги достойны чтения. К ним надо прибавить отдельные издания источников о Смуте. Издана переписка С.Ф. Платонова с историками (2003, 2011), проливающая свет, в том числе, на взаимоотношения авторов книг о Смутном времени.

Монография Иловайского о Смуте важный историографический факт, но не только. Масштабные истории России XIX–XX концептуальны. Своим творчеством Иловайский продолжил традиции русской историографии. Ее триединство выражается в точности исторического изложения, глубоко патриотической позиции в соединении с совершенной литературной формой. Велика роль исторического знания в современной информационной войне, которую ведется против России. Нас объединяет тысячелетняя история, вера в добро и культуру России. Исторический национальный опыт наших народов

огромен. В нашей истории есть ответы на многие вопросы современности. Она влияет на нашу жизнь, наполняет ее смыслом. Без глубоких исторических корней мы всего лишь растения – перекасти-поле. Мы пользуемся русским языком, культурными достижениями прошлых поколений. На современных компьютерах пишем славянской кириллицей. История своим единством помогает «формировать мировоззрение скрепляющую нацию»

Д.В. Цветаев по свежим следам, не вступая в полемику с его противниками, оценил труд Иловайского о Смутном времени, сравнил его с других исследователями, в том числе и с авторами общих курсов по русской истории. Книги Иловайского, по общему мнению, стали превосходным вспомогательным пособием по Русской истории. «История России» Д.И. Иловайского, писал Д.В. Цветаев, единственная в своем роде среди исторической литературы. «История Русской жизни» Забелина остановилось на годах Ярослава. Целые курсы по Русской истории профессоров С.Ф. Платонова и В.О. Ключевского широкому читателю недоступны. В качестве курсов лекций по Отечественной истории они были опубликованы уже в XX веке. Их книги были рассчитаны на университетских слушателей. В силу этого авторы ближайшей своей задачей ставили сжатую систему фактов и обходились без обзора литературы по этим темам. Такие их курсы только яснее подчеркивают необходимость для исторической науки трудов, каким является «История России» Д.И. Иловайского¹⁶.

«Изложение Иловайского отличается цельностью, в четвертом томе оно даже более округлено, обобщено, чем в первых томах. Автор мастерски, наглядно и спокойно группирует факты, обрисовывает главных лиц и события, стиль его ровный, простой, непринужденный и в ладу с эстетическими требованиями» (Д.В. Цветаев) Книга получилась более художественной. Во имя этого мешающие подробности Иловайский поместил в пространные примечания. Если университетскому профессору достаточно поместить новый материал в очередную лекцию, то автору и издателю Иловайскому, не имевшему студенческой аудитории был нужен конечный результат – довести книгу до читателя. Первые четыре томов «История России» Иловайского была опубликованы в 1876–1899 гг.

Наше время к Иловайскому более лояльно, но фигура умалчивания в отношении некоторых его трудов сохраняется. И новейшие исследователи первую крупную монографию о Смуте не упоминают. Медленное потепление в отношении к Иловайскому и его творчеству имеет свои причины. Мы яснее осознаем, что консервативность – не преступление, а известная доля консервативности – необходимый фактор стабильности. Возрастает актуальность истории как средства патриотического воспитания. Ценится художественное изложение истории. Глубоко осознанный патриотизм, служение интересам России, стремление к истине, внимание к читателю, художественное изложение истории у Иловайского присутствуют в превосходной степени. Он видел

смысл своей жизни в изучении, исследовании и популяризации истории России. Серьезный исследователь, талантливый педагог, яркий публицист, неимоверный труженик и патриот России Д.И. Иловайский оставил нам интересную концептуальную книгу о Смутном времени.

Шаяхметова И.З. (г. Уфа)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Д.И. ИЛОВАЙСКОГО КАК ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНО-ОХРАНИТЕЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ РОССИИ

¹ Иловайский Д. Новая династия. М.: Чарли, 1996. С. 542.

² Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1994. С. 275.

³ Иловайский Д. Новая династия. М.: Чарли, 1996. С. 51.

⁴ Там же. С. 508.

⁵ Там же С.234

⁶ Иловайский Д. Новая династия. М.: Чарли, 1996. С.236

⁷ Д. Цветаев. Отдельный оттиск. С.2. Копия оттиска без титульного листа, сделанная в РНБ, имеется в архиве Л.В. Чекурина.

⁸ Иловайский Д. Новая династия. М.: 1996. С.72.

⁹ Иловайский Д. Новая династия. М.1996 С.551

¹⁰ Там же, С.242

¹¹ См. Лютова С.Н. (МГИМО), Серженко И.И. (МГУ им. М.В.Ломоносова). Поэт и историк: живые картины Д.И.Иловайского в лирике Марины Цветаевой. Отдельный оттиск. С. 1 – 80.

¹² Иловайский Д. Новая династия. М.,1996. С.178

¹³ Иловайский Д. Новая династия.1996 С.228

¹⁴ См. Иловайский Д. Новая династия. М.,1996. С.549; Толстов В.А. Н.И. Костомаров и В.А.Саморянинов: два взгляда на историческую достоверность личности Ивана Сусанина. Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. Рязань. 2011 С.254

¹⁵ Иловайский Д. Новая династия.1996 С.345

¹⁶ Цветаев Д.. Отдельный оттиск. С.4

Вторая четверть XIX века ознаменовалась оформлением различных направлений общественной мысли: славянофилы, западники, среди которых носители революционно- демократических идей В.Г. Белинский и А.И. Герцен. Правительство противопоставило этим направлениям – теорию официальной народности, которая была оформлена министром народного просвещения С.С. Уваровым, и стала господствующей. Эта теория стремилась обосновать самобытность и величие русской истории. Теория официальной народности, со времен Николая I насаждалась в просвещении, искусстве, науке.

В исторической науке под эгидой теории официальной народности развивается официально-охранительное направление. Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920) – один из крупных представителей этого направления. В ряду отечественных историков Д.И. Иловайскому в историографии обычно отводится заметное, но не завидное место. Его имя осталось символом ученого-ретрограда, погрязшего в маловажных мелочах. В.О. Ключевский в карандашном черновике, правда, не предназначенном для печати назвал его «ученым грызуном»¹. Отрицательные оценки историку давали В.И. Ленин, П.Н. Миллюков, А.И. Деникин и др.²

В учебниках Д.И. Иловайского отразилась официальная концепция национальной истории. Это направление в литературе иногда даже его противниками называлось по имени ученого («иловайщина»). В многочисленной литературе оно стало синонимом идеологической реакции, воплощало ненавистный для русской оппозиционной общественности государственный строй, а сам Иловайский стал постоянным объектом для язвительных оценок: «научное ничтожество» или «тщеславное дилетанство»³. В советской историографии Д.И. Иловайский рассматривался исключительно как представитель дворянско-монархического, охранительного направления, которое поддерживалось властью.

Период с 1854 по 1858 годы оказался решающим в формировании творческой и личной индивидуальности Д.И. Иловайского. В «Истории Рязанского княжества» Иловайский осуществил историческую реабилитацию рязанского князя Олега Ивановича. Показал, что при Олеге Ивановиче Рязанское княжество достигло наибольшего могущества. Своей книгой Иловайский подавал большие надежды. В этом сочинении заявили о себе такие черты исторического стиля Иловайского, которые и в дальнейшем были характерны для него. Например, стремление в максимальному использованию различных

источников, готовность опираться на выводы предшественников-учителей по основным вопросам отечественной истории⁴. Вместе с тем, по выражению С.Ф. Платонова, уже тогда был замечен исследовательский задор, вкус к полемике, к пересмотру устоявшихся мнений, даже в тех случаях, когда критицизм угрожал научной репутации⁵.

Вместе с первыми научными работами приобретался опыт публицистической деятельности, в это же время возник и план написания гимназических учебников. Учебники по русской и всеобщей истории с момента появления и до 1917 года выдержали сотни переизданий, например, учебник для старших классов – 36, для среднего возраста – 44⁶.

Главным трудом своей жизни Д.И. Иловайский считал «Историю России» в пяти томах. Основные вопросы в этом исследовании касались происхождения русской национальности и русской государственности. Историю варяжского вопроса в отечественной историографии невозможно представить без Иловайского⁷. По увлеченности поисками начала Руси рядом с ним можно поставить только М.П. Погодина, позиция которого была противоположной мнению Иловайского⁸. «Роксоланская» теория Иловайского подкупала своей простотой, но так же как норманнская теория в интерпретации Погодина была нескладной и легко уязвимой. И Иловайский, и Погодин своеобразно подтверждали мысль Каченовского, что все ученые усилия разъяснить варяжский вопрос были явлением патологии⁹.

По мнению Д.И. Иловайского, история какого-либо народа есть изображение его прошлой жизни, поэтому задача историка – в том, чтобы показать постепенное развитие этой жизни, светлые и темные стороны быта, счастливые и бедственные стороны эпохи, испытанные народом.

Конкретное содержание задач истории определялось Иловайским как критическое изучение источников и литературы с последующей реконструкцией исторических событий в их истинном виде, конкретное содержание – в выяснении причин и последствий этих событий, в беспристрастной оценке действующих лиц и обстоятельств¹⁰.

Рассуждая об объекте исторического изучения – человеческом обществе, Д.И. Иловайский полагал, что история народа находится в неразрывной связи с движением его государственного быта, а значит, и с лицами, стоящими во главе государства. Коль скоро в государствах монархических на первом месте стоят династия и двор, им и следует уделять особое внимание в исторических сочинениях. Народ же – это этнографическая масса со своими своеобразными характерными чертами, которая заслуживает наблюдения¹¹.

Несмотря на значительные усилия автора, многотомник «История России» не принесла Д.И. Иловайскому успеха. Стремительно политизировавшейся русской интеллигенции рубежа XIX–XX веков было не до «Истории» Иловайского. Ее концептуальный консерватизм воспринимался как безнадежно устаревший. Можно сказать, что русская нарративная истори-

ография в лице Иловайского нашла едва ли не последнего своего серьезного представителя.

¹ Ключевский В.О. Избр. соч. М., 1998. С.

² Колесник И.И. Развитие исторической мысли в России XVIII – первой половине XIX в. Днепропетровск, 1990. С. 147.

³ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1995. С. 119.

⁴ Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. Рязань. 1990

⁵ Платонов С.Ф. Указ. Соч. С. 119.

⁶ Историки России XVIII – начала XX века. М., 1996. С. 198; Чекурин Л.В. Русский историк Д.И. Иловайский. Опыт библиографического исследования. Рязань. 2012. С.74-107

⁷ Историки России XVIII – начала XX века. М., 1996. С. 198;

⁸ Погодин М.П. // Историки России XVIII–\$X веков. Вып. 2. М., 1997. С. 219-220.

⁹ Каченовский М.Т. // Историки России XVIII–\$X веков. Вып. 2. М., 1997. С. 219-220.

¹⁰ Иловайский Д.И. История России.

¹¹ Историки России XVIII – начала XX века. М., 1996. С. 198.

**Д.И. ИЛОВАЙСКИЙ В ПИСЬМАХ СОВРЕМЕННОКОВ
(по фондам ОР РНБ)**

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ), фонды которого насчитывают более 450 тысяч единиц хранения, сохранились материалы Дмитрия Ивановича Иловайского (1832–1920) – историка, публициста, педагога и автора популярных во второй половине XIX – начале XX века учебных пособий по истории.

После смерти историка собрание его документов попало в Государственный архив феодально-крепостнической эпохи, ныне – РГАДА. Личный фонд был разобран и описан в 1939 г. В 1951 г. фонд был передан в ЦГИА г. Москвы, откуда в 1961 г. поступил на хранение в ЦГИАЛ (ныне РГИА), где и находится в настоящее время.

Личного фонда Д.И. Иловайского в РНБ нет, однако, в 20 фондах Отдела рукописей РНБ удалось выявить 55 единиц хранения содержащих материалы, связанные с Д.И. Иловайским. Их можно разделить на следующие группы:

- работы историка Д.И. Иловайского;
- переписка современников Д.И. Иловайского и его самого с петербургскими адресатами;
- материалы об историке Д.И. Иловайском.

В 1990 – е годы появился целый круг исследователей занимающихся Д.И. Иловайским: Л.В. Чекурин, В.А. Толстов, Е.Ф. Жупикова и др. Их научные интересы связаны не только с биографией Дмитрия Ивановича, но и характеризуют его взаимоотношения с историческим сообществом XIX–XX вв. Выявленная переписка его современников, сохранившейся в ОР РНБ, помогает дополнить сложившийся в последнее время образ Д.И. Иловайского.

В архиве археолога, филолога и декана историко-филологического факультета Петербургского университета Ивана Васильевича Помяловского сохранились письма родственника Иловайского Ивана Владимировича Цветаева – филолога, археолога и профессора Московского университета. В них Иван Владимирович делился со своим давним университетским другом не только планами на будущее, но и насущными научными и житейскими проблемами, в том числе и о своих взаимоотношениях с своим первым тестем – Д.И. Иловайским.

В письме от 13 апреля 1887 г. Цветаев сообщает Помяловскому, о том, как они праздновали Пасху: «Светлые дни пробежали быстро, оставив по себе добрые воспоминания. Мои были здоровы, и потому в пятницу мы видели почти всех знакомых у нас, вчера тот же круг пропраздновал до 4-х утра у Дмитрия Ивановича: пели, читали драматические отрывки, декламирова-

ли и свои и чужие стихи, танцевали и вообще козлякали (так в тексте – А. А.) и у нас и у Иловайских вдоволь». Далее Иван Владимирович сообщает количество и состав присутствующих на этом праздновании: у Цветаевых «под 40, у Дм [итрия Иловайского до 60 [гостей А. Ала]. Общество состояло из учителей, студентов, литераторов, профессоров, врачей, певцов, учениц, <...> помещиков и помещиц». Цветаев продолжал поддерживать тесные отношения с Дмитрием Ивановичем и после смерти своей любимой супруги – дочери Иловайского – Варвары Дмитриевны. В письме от 25 февраля 1894 г. Иловайский предстает перед нами весьма общительным и хлебосольным человеком: «Д. И. Иловайский воюет в “Москов [ских] Ведомостях” по поводу нашего торгового договора с Германией, пишет историю Смутного времени и танцует в первых рядах младших поколений, приходящихся ему чуть не внуками. В прошлую субботу у него был форменный танцевальный вечер, гостей было <...> до 70. Танцевал до 6-го часа утра – и он был заправилом...». «“Живые картины” – в мертвом доме, мертвые картины из живых людей» вот так негативно прокомментировала эти светские рауты в своей «автобиографической прозе» «Дом у Старого Пимена»: Марина Ивановна Цветаева. Думается, такое восприятие происходящего субъективно и связано, прежде всего, с тем, что Марина Ивановна так и не смогла простить своему отцу безграничной любви к первой супруге – дочери Дмитрия Ивановича, так рано ушедшей из жизни.

Цветаев всячески помогал Иловайскому и порой не только выполнял его поручения, но и защищал его от нападок. «Спасибо Вам за раздачу моей брошюры о труде Д.И. Иловайского. Известная группа уже очень старалась дискредитировать его, не дать на замену ничего путного; надо было, не вступая в полемику, разъяснить читающей и интересующейся публике, в чем тут дело. На то, чтобы обхаять у нас много охотников и мастеров, а предъяви к сим «мудрым критикам» требования самостоятельного национально-органического творчества – и тотчас замечается удивительное превращение: “великаны” выглядывают уже презаурядными пигмеями. Не раз видал я эти извращения», – писал он И.В. Помяловскому 30 декабря 1899 г.

Еще одно интересное письмо от 22 ноября 1890 г., отправленное Цветаевым своему другу и говорящее о весьма амбициозных планах Д.И. Иловайского: «На днях отправляется к Вам в Питер Дмитрий Иванович для преподнесения государю своего новейшего т [ома] «Истории России» (имеется в виду 3 том – А. А.). Доведши свой труд до Смутного времени, он мечтает о звании “историографа” Российской империи, хотя и не знает, как довести об этой мечте до сведения государя. Досадует он и грустит, что Бартенев и Бестужев-Рюмин состоят членами Императорского Русского исторического общества, а его никто не хочет предложить туда. С сильным там Штендманом он еще в начале 70-х годов поссорился в Италии, увидя ухаживания его за дочерью, которая была еще подростком, и резко порвавши

с ним знакомство, когда тот «заблаговременно» объяснился с отцом на счет своих матримониальных планов».

В этом же эпистолярном комплексе сохранилось интересное свидетельство о распространении многочисленных учебников, написанных Иловайским. 5 ноября 1900 г. И.В. Цветаев пишет о книгах, отправленных Иловайским в Учебный комитет: «Я, было, пытался убеждать его, что его гора книжная никакому вору не нужна и что она вернее верного в к [омитет] прибыла прямехонько. Но он ни каких наставлений не любит, а только твердит свое: “а вы напишите, узнайте...”. Ну вот я Вам и челобитную на сей конец, а там поступайте, как знаете. При ближайшем свидании я Д. И-му донесу, что я написал, даже очень давно написал и что Вы до сих пор не отвечаете. Таким образом отныне вся вина падает на Вас, за что Вам и достанется порядком в ближайшем же № “Кремля”». Это письмо довольно наглядно показывает отношение окружающих к весьма сложному характеру историка. Возможно, с ним часто было проще согласиться, чем спорить. Что до его любимого детища – газеты «Кремль», то в данном случае, явно прослеживается ирония, с которой Цветаев упоминает о привычке Д.И. Иловайского рьяно ругать на ее страницах тех, кто ему насолил – не угодил.

Стоит также упомянуть о первых впечатлениях И.В. Цветаева об уже довольно известном тогда 46-летнем историке Д.И. Иловайском. В письме филологу-слависту, археологу и этнографу Александру Александровичу Котляревскому сохранилось такое упоминание, датированное 1878 г.: «Самого Д. И. я доколе не понимаю: вероятно, он и капризен, и болезненно самолюбив, и вместе с тем добрый, радушный, гостеприимный и веселый хозяин...». В следующем письме Цветаев пишет об Иловайском так: «В минувшем письме я выразил Вам свой взгляд на ее отца – и теперь вижу, что я, будучи прав в общем, погрешил в оценке отношений ко мне: он более дружелюбный, чем я мог предположить...». Вот таким предстал перед И.В. Цветаевым его будущий тесть. В дальнейшем их связывало не только общее горе (Варвара Дмитриевна – дочь Иловайского – скоропостижно скончалась в 1890 г. после вторых родов), но и общее дело. Дмитрий Иванович помогал Цветаеву в организации Музея изящных искусств императора Александра III при Московском университете (ныне Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина), а Цветаев в свою очередь хлопотал о получении Д.И. Иловайским чина действительного статского советника в связи с 25-летием научной деятельности последнего.

В письме от 15 января 1894 г. отразились последствия конфликта Иловайского и Сергея Федоровича Платонова. Цветаев пишет: «На последней трапезе чуть судьба не усадила Платонова и Иловайского рядом. <...> Оба друга не замечали один другого и когда приходилось отвечать на провозглашенные тосты звоном стаканов, они слепли, не видя друг друга и проходя мимо как будто пустого места. И время для этой вражды теряет свою целебную силу».

Архив одного из участников этого конфликта – С.Ф. Платонова – с 1937 г. хранится в ГПБ/РНБ. В его составе около 12000 писем от 2400 корреспондентов, среди которых были едва ли не все современные ему российские историки. В некоторых письмах упоминается и Иловайский. В частности, в письмах Платонову известного историка и политического деятеля П.Н. Милюкова есть отголоски упомянутого выше «заговора» – организованного гонения против Иловайского. Можно утверждать, что Милюков поддерживал Платонова в намерении вступить в конфликт с престарелым историком: «Рад также я Вашему намерению пощипать моего старого приятеля Иловайского и с нетерпением ожидаю момента, когда можно будет поздравить Вас с его враждой...» – такое письмо было написано им в декабре 1890 г. относительно желания Платонова написать критическую рецензию на третий том «Истории России» Иловайского. Неприязненное отношение Милюкова к Иловайскому началось сразу после выхода в «Русской мысли» его анонимной рецензии на сборник статей Иловайского «Дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и болгаро-гунскому». В письме от 15 декабря 1890 г. Милюков делится с Платоновым: «Люди, знакомые с положением дела, делают мне здесь многозначительные намеки, что в ближайшем будущем Иловайский сокрушит и меня в одном из своих писем в “Новом Времени” <...> Не знаю, сколько тут правды, но абсолютной уверенности, что “свинья не съест”, отнюдь не имею. Доживем – увидим». Далее конфликт принимает уже весьма открытый – печатный оборот. Дмитрий Иванович был вынужден защищаться от нападков со всех сторон, ведь с этого момента наступление оппонентов перекинулось с его работ на учебные пособия, что напрямую грозило успешному издателю своих учебников банкротством.

Яркая характеристика Д.И. Иловайского, объясняющая причины и суть конфликтов ученого с коллегами, содержится в письме Гилярова-Платонова Федора Александровича к Николаю Владимировичу Шаховскому, хранящемуся в фонде последнего в ОР РНБ: «Перебранка Иловайского [живо] напомнила мне, как в Обществе любителей росс [ийской] словесности, кажется, в 1880 г. мы избрали его временным председателем, как возмущал он всех сочленов своим [безграничным] обидчивым самолюбием. Он был совсем невыносим. Ф.И. Буслаев тоже самолюбив, – соглашаюсь с Вами; но он тихо [предаст], когда уязвляется его самолюбие, а Иловайский задира, болезненно раздражительный».

Таким образом, из представленных выше документов, сохранившихся в ОР РНБ, перед нами возникает весьма четкий образ Д.И. Иловайского, запечатленный в письмах современников по-разному к нему относившихся. Дмитрий Иванович, несмотря на все невзгоды, оставался жизнерадостным и непреклонным перед превратностями судьбы. Он, будучи довольно самолюбивым и амбициозным человеком, иногда даже несносным, в то же время всегда жестко отстаивал свои позиции в полемике с оппонентами, старался не

только не пропускать, но и предугадывать удары и нападки со стороны своих коллег по научному цеху.

Сведения об Иловайском разбросаны по многим фондам ОР. Это архивы П.Н. Батюшкова (ф. 52), А.Ф. Бычкова (ф. 120), А.А. Котляревского (ф. 386), А.Н. Пыпина (ф. 621), С.Н. Шубинского (ф. 874) и др. Ценность данных материалов заключается в том, что помогает не только раскрыть, но и понять причины конфликтов в российском гуманитарном научном сообществе второй половины XIX – начала XX в.

В настоящее время продолжается работа по их выявлению, составлению сводного каталога документов, связанных с личностью историка, в фондах ОР и публикации отдельных материалов.

Плетнева А.В. (г. Липецк)

КОНЦЕПЦИЯ НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РУСИ Д.И. ИЛОВАЙСКОГО В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Взгляды историка на начальный период Руси не получили должной оценки в советской историографии, как и сама личность Дмитрия Ивановича Иловайского. Десятилетиями не публиковались труды ученого, отсутствовали работы, которые давали хотя бы краткий анализ его исторических взглядов. Советская историческая наука создала идеологизированное клише об историке, как о «великодержавном шовинисте», «национал-патриоте», «крайнем националисте», «реакционере», «антисемите», «тевтонофобе». При этом писатели ограничивались набором ругательных слов, не подкрепляя достаточными источниками и основаниями. На смерть Д.И. Иловайского 1920 году, общественность отреагировала двумя строчками в перечне историков, умерших в этом году. Диссонансом для историографии советского периода звучит сочувственное и уважительное отношение к творчеству Д.И. Иловайского со стороны крупных ученых в конце 1920-х гг. В письме-ходатайстве о назначении персональной пенсии вдове историка А.А. Иловайской академики М. Любавский, Ю.В. Гюте, М. Богословский, А.И. Соболевский, С.Б. Веселовский А.А. Бахрушин не побоявшись «идеологических препонов», объективно оценили научные труды Иловайского. «Разыскания о начале Руси» были названы самым крупным трудом Дмитрия Ивановича, вобравшим в себя множество данных из самых разнообразных источников и заставившим «норманистов отступить от ходячей концепции начала Руси и заново пересмотреть свою теорию». Авторы не разделяли мнения дореволюционных рецензентов пятитомной «Истории России», как компилятивного труда. Косвенно даже ставился вопрос об издания трудов Иловайского, констатировалась их ценность. Однако, приведенные выше оценки научного творчества Д.И. Иловайского, данные в обращении крупных ученых к власти, не отразились в историографической литературе и в общественном сознании. В эмигрантской среде сохранились положительные оценки Д.И. Иловайского. Эмигрант и норманист В.А. Мошин в 1931 г. считал, что Иловайского никак нельзя причислить к дилетантам, хотя его филологические доказательства были «действительно слабы», но в «области чисто исторических построений историк руководствовался строго научными методами и доказал свою большую эрудицию в русской истории прекрасным трудом «История России», так что «некоторые из его тезисов (например, существование Черноморской Руси в IX–X-м веке) были приняты и учеными противоположного направления» и определенные его открытия заставили противников внести в свои «конструкции необходимые корректуры».

В советской историографии распространение получили отрицательные оценки Иловайского, которым по сей день следуют некоторые историографы. На наш взгляд, тон был задан в 1927 г. М.Н. Покровским, оценившим интерпретацию Иловайским исторического процесса «образования территории» и «собираения Руси» «налетом патриотизма» и «национализма». Но Иловайский не был исключен из упоминаемых историков.

В 1939 г. Б.Д. Греков, кратко упомянув в статье «История древних славян и Руси в работах акад. В.Г. Васильевского» о взглядах Иловайского на происхождение Древнерусского государства, но не коснулся обширной двадцатилетней полемики историков по проблемам начальной истории Руси. В «Русской историографии» Н.Л. Рубинштейна (1941) признается, что Иловайский «получил, может быть, **несколько одностороннюю оценку** в исторической литературе своей «Историей России» и своими учебниками русской истории с их ярко выраженной охранительной идеологией, в научном отношении представлявшими простую компиляцию». Мимоходом в числе других трудов упоминается монография «Разыскания о начале Руси». В 1949 г. ленинградский профессор В.В. Мавродин в публичной лекции назвал Иловайского, наравне с историком А. Геденовым одним из лидеров антинорманистов XIX века. При этом посчитал, что «стремление... разыскать начало Руси... в скифо-сарматском мире... не таким фантастичным». Достоинство трудов Д. И. Иловайского, по мнению В.Е. Иллерицкого, заключалось в обширной мобилизации разнообразных источников, в частности археологии. Но в целом, исследователь был не высокого мнения о работах Иловайского, подчеркивая, что он был очень «далек от научного понимания процесса возникновения государства в России». Проблема сводилась Иловайским только к доказательствам вывода о том, что иноземные элементы не принимали никакого участия в этом процессе».

Ленинградский археолог Л.С. Клейн в 1960 г. озвучил ошибочную, но ставшую популярной мысль о том, что «реакционно-настроенные историки (Иловайский, Забелин), подходя к вопросу с позиций великодержавного шовинизма, выступали против “норманской теории”, поскольку она противоречит идее, что русский народ по самой природе своей призван повелевать над другими народами». В том же году авторы «Очерков истории исторической науки в СССР» назвали учебники Иловайского «символом мракобесия в области истории».

Подчеркивая приверженность Иловайского к монархическим принципам, А.Л. Шапиро (1962) г., забыв про чувство меры и научного такта, отнес ученого к «твердолобым реакционерам», а его учебник для средней школы назвал «варевом», которым тот «с помощью Министерства народного просвещения пичкал учащих». Другой автор учебника по историографии В.И. Астахов (1965) назвал руководства по русской истории «Идеологическими костылями» для «одряхлевшего самодержавия».

В.И. Астахов противопоставил Д.И. Иловайскому К.Н. Бестужева-Рюмина, оставившего науке серьезную источниковедческую работу. В наследии же Иловайского якобы запомнились лишь учебники, отмеченные «крайним монархизмом, убожеством мысли и верноподданнической лестью». Отмечалась «методологическая беспомощность» и «научная несостоятельность» «История России» в пяти томах. Понимание Д.И. Иловайским процесса образования Древнерусского государства названо «примитивным». Такая оценка является преувеличением и носит оценочный, а не исследовательский характер. Учебники по историографии создавали парадоксальное положение: русский историк – талантливый исследователь, яркий публицист, критик и педагог – оказался известен общественному сообществу лишь как составитель учебников и автор «незначительных работ».

Впервые более подробно о взглядах Д.И. Иловайского на проблему происхождения Древнерусского государства высказался И.П. Шаскольский в книге «Норманская теория в современной буржуазной науке». Исследователь подчеркнул, что Иловайский и Геденов, дав «серьезную и основательную критику главных положений» норманизма, «в силу своих идеалистических представлений о процессе возникновения государства не смогли противопоставить отвергаемой ими норманской теории сколько-нибудь убедительное положительное построение».

В учебнике «Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» (1971) повторяется критика общей концепции «Истории России», отмечается ее компилятивный характер. В частности указывается, что пятитомный труд не оправдал претензий Иловайского на статус «историографического». Авторы скорее видели в нем сочинение общего характера, обнаружившее «устарелость его взглядов», поскольку «в понимании задач и содержания исторической науки Иловайский по существу возрождал официально-охранительные принципы Карамзина». Обращение к варяго-русской тематике было вызвано лишь целью Иловайского «доказать, что иноземные элементы не принимали никакого участия» в образовании Древнерусского государства, авторы свели всю обширную аргументацию историка лишь к его политическим пристрастиям.

В диссертации Э.В. Колосовой «Исторические воззрения и общественно-политические взгляды Д.И. Иловайского и Н.П. Барсукова» (1975) оба историка были охарактеризованы как «охранители» русского самодержавного государства. В творческой деятельности Иловайского автор выделила три этапа: первый (с середины 50-х до середины 70-х гг. XIX в.) – период оформления научного мировоззрения историка; второй (с середины 70-х гг. до 1905 г.) – период расцвета научной деятельности; третий этап (1905–1916 гг.) – период кризиса, в котором главным стала публицистика, издание газеты «Кремль» и учебников. А.В. Прохоров справедливо отметил условность данной периодизации, особенно «натянутасть» характеристики последнего периода. По

его мнению, архивные материалы этого периода «не создают представления об отказе их автора от прежних идей и концепций»¹.

В итоге диссертационного анализа Э.В. Колосова определила Иловайского преемником и продолжателем официальной «охранительной» историографии предшествующего периода. Иловайский в диссертации

Колосовой назван ученым, «выступавшим от имени обуржуазившегося дворянства», «источниковедческая ценность работ», которого «кончается там, где явно выступают предвзятые идеи авторов, где источник получает аранжировку в соответствии с их идейно-политической позицией». В статье, посвященной архивному наследию Дмитрия Ивановича, Колосова обратила внимание на небрежность в обращении с архивными документами, неточность в передаче текста, отсутствие или наличие неверных исходных данных, что, по ее мнению, снижает ценность материалов, введенных историком в научный оборот.

В своем учебнике «Историография истории СССР. Досоветский период» (1978) А.М. Сахарова увидел в трудах Иловайского плюрализм, отражение зародившегося в русской науке позитивизма и называет его «едва ли не наиболее ярким приверженцем, эклектической по своей методологической основе и откровенно монархической в политическом отношении концепции». Он был составителем учебников, «насаждавших верноподданнические чувства среди молодежи». Выступления Иловайского «против норманской теории происхождения древней Руси было обусловлено стремлением отстоять тезис о самобытности русской истории». «Понятно, что такой историк был очень нужен реакционным силам», – подвел итог А.М. Сахаров.

Любопытная эволюция взглядов на личность и творчество ученого прослеживается в энциклопедических изданиях рассматриваемого периода. В первом издании «Большой Советской Энциклопедии» (1933) книга «Разыскания о начале Руси» представлена как не обладающая «никакой научной ценностью». Во втором издании БСЭ (1952) некоторым трудам Иловайского, в числе которых находилась и вышеназванная монография, отводилось «известное историографическое значение». Данные в третьем издании БСЭ сухи и однобоки, а исследования по начальной истории Иловайского не упоминались. Зато в 1964 г. в «Советской исторической энциклопедии» критика Иловайским норманизма признана вполне обоснованной.

В библиографическом словаре «Славяноведение в дореволюционной России» (1979) труды историка по вопросам происхождения русской государственности получили оценку незначительных, не внесших «в знание этих проблем ничего нового», в то же время его «неизменная убежденность в “поверхности знаний славянского мира и недостатке тщательного разностороннего изучения его русской наукой”, стремление использовать данные археологии, этнографии, филологии, лингвистики, топонимики для доказательства излагаемых им концепций, последовательное отстаивание этих

теорий в систематических полемиках со специалистами в какой-то мере стимулировали изучение таких вопросов, как славянский этногенез, происхождение славянской письменности, роль славянских народов в мировом историческом пространстве». Повторялось мнение о влиянии консервативных взглядов Иловайского на его исследования в разработке варяго-русского вопроса.

Начиная с 1980-х гг. к Иловайскому, как автору популярнейших учебников, обращается профессор А.Н. Фукс в основательных исследованиях специфики школьного образования и учебной литературы дореволюционного периода. Вслед за своими именитыми предшественниками он активно отстаивает мысль о насаждении учебников «сверху», когда «царское правительство... прилагало максимум усилий для внедрения в школу учебных курсов, в которых отражалась официально-охранительная, монархическая концепция исторического прошлого, насаждая официозные учебники, правящие круги стремились увести учащихся подальше от революционных событий современности». Учебные пособия автор представляет как почти никогда не подвергавшиеся переработке, за исключением редких исправлений и дополнений (в наши дни И.В. Бабич убедительно доказала обратное). Упрощая общую картину, автор представляет Иловайского крайним реакционером и компилятором, а его теорию «государственного быта» называет антинаучной. Дмитрий Иванович, якобы «не являясь специалистом», написал учебные пособия по всеобщей истории, которые «представляли компиляцию западноевропейских школьных учебников». Норманизму Иловайский «противился» «сознательно», «в угоду своей дворянско-монархической концепции, одним из основных компонентов которой (как проявление крайнего национализма в историографии) было стремление к доказательству особого, самобытного пути развития России, а именно неизбежности монархического строя и преимущества русской нации перед другими народами». Исследователь, словно пытаясь вывести Иловайского за рамки исторической науки, констатирует, что тот, «стремясь отвлечь молодое поколение от революционной идеологии» и «разжигая у учеников под видом патриотизма шовинистические и националистические чувства», к 1916 г. стал синонимом «отсталости и ретроградства». Тенденциозность историографических оценок бросается ныне в глаза и это подчеркивает зависимость историков от своей эпохи и необходимость вновь вернуться в анализе данной темы.

В 1983 году, И.П. Шаскольский отказал антинорманизму в научности и предложил вывести его за рамки действительной науки. Поэтому несколько не удивительно, что его позиция в отношении Иловайского была более чем критической. Свой вывод он объяснил коллегам тем, что многие представители антинорманизма выступали против него «не из научных позиций, а из соображений дворянско-буржуазного патриотизма и национализма (Грушевский, Иловайский)». В 1986 г. в книге «Борьба направлений в русской историографии в период империализма» А.Н. Цамутали в главе

«Официально-охранительное направление. Особенности его эволюции», Д.И. Иловайский характеризуется, как «одиозная» личность «не только в революционных, демократических и либеральных кругах, но и в среде, вполне верноподданнических настроений», «эталон крайне монархических взглядов в исторической литературе» и «ревностный защитник интересов самой реакционной части дворянства». Как видим, большинство исследователей склонно придавать позициям Д.И. Иловайского в варяго-русском вопросе ярко выраженный политический характер. Эти статьи, нередко содержат фактические ошибки, связанные с именем Иловайского, приписывают ему неверные взгляды. М.А. Алпатов в 1982 г. пишет о том, что Иловайский считал Рюрика роксоланом. Н.Н. Гринев ссылается на ученого, якобы объясняющего причины призвания варягов.

Однозначные отрицательные оценки – «монархист и консерватор», отсутствие многопланового восприятия личности и трудов ученого абсолютно не вяжутся с многочисленными положительными отзывами об отдельных работах Иловайского дореволюционных историков. Такое отсутствие существенного интереса советских исследователей к рассматриваемой проблеме вызвано прежде всего тем, что главное внимание уделялось изучению марксистской и революционно-демократической историографии. Основная тенденция в кратком изложении такова: советская историография представляет Иловайского как отжившего свое время классика с реликтовыми подходами к истории, малоинтересного по своим взглядам популяризатора, общие концепции которого перестали быть важными для ушедшей далеко вперед исторической науки. Закономерным следствием подобной тенденции стали сухие и однобокие характеристики многолетних исследований ученого в области начальной истории Руси. Которые Если и отмечаются, то им приписывается «любительский, дилетантский характер», продиктованной не интересами науки, а «патриотизмом» и даже «национализмом» (И.П. Ша-скольский). Как видим, учебники по историографии содержат о нем несколько абзацев, в которых почти всегда обязательно упоминается о принадлежности историка к дворянско-монархическому направлению, приводится две-три работы Иловайского, при этом издание им учебников неизменно выдвигается на первый план в ущерб многим другим работам. Как справедливо отмечает Л.В. Чекурин, «более унылую характеристику и представить себе трудно».

Оценки советской историографии творчества Иловайского в значительной степени объясняются неприятием ученого теории марксизма и революции. В 1899 г. ученый резко отозвался о набирающих популярность в России теории марксизма, неомарксизма и народничества, назвав их «сумбуром», «маломыслием и маловедением», свидетельствующим об «умственной незрелости и научной отсталости». Книга Карла Маркса «Капитал», по его мнению, представляла «удивительную смесь отвлеченных экономических положений с историческими и практическими осложнениями, завершённую тенденци-

озными выводами, которые менее всего подходят к нам, т.е. к России». Советский идеологический пресс, получившие как бы силу закона, выдавливал инакомыслящих: наука не нуждалась в «буржуазных» и «охранительных» концептуальных построениях. Поэтому трудно ожидать серьезного отношения к историку с подобными взглядами на господствующую идеологию. Достаточно редкие стереотипные замечания о необходимости преодоления упрощенно-одностороннего отношения к сочинениям ученого ограничивались признанием значимости его магистерской и докторских диссертаций.

¹ См.. Наследие Д.И. Иловайского и М.К. Любавского. Ред. Л.В. Чекурин, Рязань 2012. С.40)